

**"MOUNTAIN FACTOR": FUNDAMENTAL PATTERNS
OF FORMATION AND FUNCTIONING OF MOUNTAIN
CULTURAL LANDSCAPES**

***Annotation.** The article analyzes the general fundamental factors and patterns of formation, spatial organization and functioning of cultural landscapes in mountainous territories.*

***Keywords:** mountain cultural landscapes, fundamental patterns of formation and development, mountain territories, nature management, dichotomy "mountains-plain".*

УДК 911.3

Дружинин А. Г.

*Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университет, г. Ростов-на-Дону;
Институт географии Российской академии наук, г. Москва*

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ПОТЕНЦИАЛ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Аннотация. Охарактеризовано современное состояние социально-экономической географии в России (с акцентом на научные кадры, включая их численность, квалификацию, а также специализацию). Сформулированы приоритетные задачи развития российской социально-экономической географии с учётом планетарных геополитических, геоэкономических, технологических, социокультурных и экологических изменений.

Ключевые слова: общественная география, глобальные проблемы, Россия, Евразия.

Введение. Эволюция науки (в её национально, территориально очерченных форматах) — неотделима от судеб, исторических траекторий соответствующих народов, стран, цивилизаций, равно как и кросс-культурных взаимодействий. Укоренившись в нашей стране с середины XVIII столетия [1] в общем потоке идущих с Запада геокультурных заимствований [2], экономико-географические исследования, обретя далее собственную «почву» и специфику [3], последовательно развивались в логике расширения и «уплотнения» российского пространства, роста геостратегического потенциала России (СССР), коррекции её позиций и интересов. Три постсоветских десятилетия были ознаменованы очередным кардинальным изменением

ем политико-экономической системы страны, её места в мире; эти метаморфозы оказали неизбежное воздействие на территориальную организацию российского общества, ставя перед обществоведческой «ветвью» географического научного знания новые задачи, инициируя в ней разноаспектные (в том числе и негативные по своему вектору) трансформационные процессы, уже ранее многократно идентифицируемые, осмысливаемые профессиональным сообществом [4-10]. В последние несколько лет глобальная социально-экономическая динамика являет всё возрастающую неустойчивость, поливариантность перспективы, актуализируя вопросы национально ориентированного научного «сопровождения» подобного рода геополитического, геоэкономического и геокультурного «транзита», равно как и соответствующего самосохранения, развития российской общественной географии.

Современная российская общественная география: кадровый потенциал и приоритетная тематика. Российская общественная география воплощает в себе ныне противоречивое сочетание инерционных, унаследованных, постепенно «затухающих» трендов с многоаспектными, фрагментарно укореняющимися новациями постсоветского периода, благоприятствующими развитию исследовательских подходов преимущественно «вширь» с охватом предельно широкого предметного поля (к примеру, из 79 защищённых за 2001-2019 гг. докторских диссертаций по специальности 25.00.24 — 14 были посвящены природоохранной тематике, 8 — культурной географии, 7 — различным аспектам российской регионалистики, 6 — социальным процессам, 5 — расселению, 4 — населению и его этнокультурным особенностям, 2 — политической географии и т. д.). Присущие последним трём десятилетиям проявления дальнейшего «расползания» сферы интересов российских географов-обществоведов дополняются возросшей методологической эклектикой, равно как и дефицитом собственно пространственного анализа. На этом фоне углубляется диссонанс между императивами консолидации и интеграции в рамках научной дисциплины и превалирующими в ней центробежными векторами. Возрастает и дистанция между первостепенной значимостью общественно-географического анализа и традиционно подчинённой, периферийной позицией социально-экономической географии в рамках российской географической науки (и в целом т. н. «Наук о Земле» — весьма дистанцированных от общественности), а также между потенциалом нашей профессиональной корпорации и стоящими перед ним масштабными исследовательскими задачами.

Десятилетие назад численность российских географов-обществоведов оценивалась в диапазоне 700-800 [11]. Учитывая, что только за неполные два последние десятилетия по проблематике общественной географии были

защищены 761 кандидатская и 79 докторских диссертаций, актуальную предельную численность нашего научного микросообщества можно, полагая, оценить в примерно в 1000 человек. Однако де-факто мы существенно «компактнее» в силу своей региональной, институциональной и предметной фрагментированности (из общего числа защитившихся с 2001 года докторов наук, к примеру, только половина активно соучаствует в различных форматах внутрикорпоративной коммуникации; на конец 2021 года лишь 586 наших коллег внесены в реестр членов АРГО) и многочисленности более возрастных генераций, постепенно утрачивающих связь с профессией.

«Размытость» рамок предмета исследований и состава, а также профессиональной компетенции и мотивации членов профессионального сообщества дополняется негативом влияния недолговечных научных «мод» и конъюнктур (наподобие географии туризма, значимой, необходимой, но, нем не менее, крайне «переоценённой», оказавшейся с начала «нулевых» годов практически лидирующей по числу защит диссертаций ветвью нашей науки) на фоне затухающей цикличности диссертационной активности (табл. 1), в том числе и по работам на соискание учёной степени доктора наук (рис. 1).

Таблица 1

Число авторефератов диссертаций* в рамках специальности 25.00.24 (сейчас — 1.6.13) размещённых в электронной базе Российской государственной библиотеки**

	Временной период защиты диссертаций, годы					Всего авторефератов за 2003-2019 гг.
	2001-2002	2003-2007	2008-2012	2013-2017	2018-2019	
Всего диссертаций по специальности 25.00.24, ед.	93	310	262	142	33	840
В среднем за 1 год данного временного периода	46	62	52	28	17	44
Докторские диссертации, ед.	11	35	17	15	1	79
В среднем за 1 год данного временного периода	5,5	7,0	3,4	3,0	0,5	4,1

* кандидатских и докторских

**Составлено по данным Российской государственной библиотеки на декабрь 2021 года <https://sigla.rsl.ru>

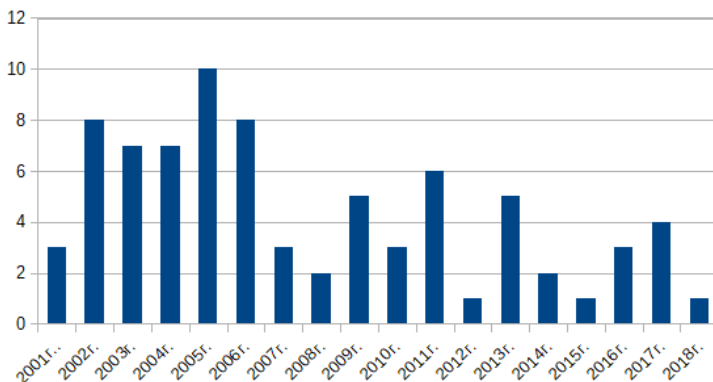

Рис. 1. Число авторефератов докторской диссертаций в рамках специальности 25.00.24 (сейчас — 1.6.13), размещённых в электронной базе Российской государственной библиотеки

Трансформационные процессы порождают эффект «сворачивающейся спирали» отрицательного мультипликатора, чьё действие для общественной географии в Российской Федерации в силу многих обстоятельств способно стать уже в средне- долгосрочной перспективе (когда из профессии начнут выходить современные 60-70-летние доктора наук) не только детерминирующим, но и фатальным.

Наша наука к середине XXI века: контуры поливариантного будущего. Будущее поливариантно, но попытка оценить его неизменно базируется на некоторых «данностях», неустранимых детерминантах. В их числе, прежде всего, практически неизбежная (по демографическим, финансовым и иным причинам) «съёживающаяся концентрация» российского общественно-географического сообщества, в том числе и на фоне пролонгированной потери социального (и политического) доверия к институту научного обществознания. Параллельно, в стране и мире усилятся пространственная социально-экономическая концентрация, вновь обретут силу интеграционные процессы, а превалирующая установка власти на конструирование (и реконструирование) социокультурных структур (включая и саму географическую картину мира) будет сочетаться с практическим игнорированием их «нецентральных», недоминирующих форматов. Всё это станет способствовать ещё большей дифференциации и фрагментации исследовательского сообщества, углублению дистанции между его «ядром» и периферийными, лимитрофными составляющими. Профессиональное (и социально востребованное) владение географическим мышлением в ещё

большей мере (чем сейчас) окажется уделом весьма немногих, но, при этом, сам инструментарий пространственного анализа (в его упрощённых и искажённых формах) технологизируется, алгоритмизируется, транснационализируется, будет (в существенной мере) передоверен искусственному интеллекту. Повсеместно возрастет политическая ангажированность общественно-географического знания, а научная логика, аргументация, критика будет (в ещё более существенной мере, чем ныне) ориентирована на решение прагматических геополитических задач. Долгосрочный прогноз российской общественной географии (во-многом, кстати, созвучный и общей перспективе страны в меняющейся Евразии) в этой ситуации может варьировать от её предельно инерционного (и, соответственно, негативного, в конечном итоге саморазрушающего) тренда, до вполне приемлемого умеренно-оптимистического сценария, предполагающего реализацию научным сообществом комплекса мобилизационно-адаптивных усилий и мер.

Приоритеты развития (жизнеспособности) российской общественной географии в меняющемся мире. В новой (непростой) для науки (и в целом социума) ситуации российским географам-обществоведам чрезвычайно важно продуктивно действовать и ощущать себя как сложившееся, консолидированное профессиональное сообщество. Осознавая свою предельную малочисленность, равно как и особый, эксклюзивный характер культивируемого научного метода, предмета исследований, нам, одновременно, крайне необходимо последовательно изживать мироощущение обездоленного меньшинства («шатающегося меж двор» по образному выражению А.И. Трейвиша [11]), «научного хуторка», преодолевать укоренённую отстранённость и периферийность, смело идя на междисциплинарные, международные контакты, равно как и на постановку, решение актуальнейших вопросов национальной и мировой повестки, научиться эффективно позиционировать себя (свои предметные возможности, традиции, достижения, взгляды, интересы) во всё более всеохватном, плотном и конкурентном информационном поле.

В *теоретико-методологической сфере* меняющийся мир потребует, полагаю, сочетания конструирования и отстаивания собственной национальной позиции (а на её основе и россиерентированной географической картины мира) со сверхтщательным учётом инноваций и трендов зарубежных научных сообществ на многовекторной основе. Императивом, жизненной необходимостью станет культивирование, выстраивание эффективного профессионального взаимодействия не только с географами США, Франции, Великобритании, Италии, других стран Запада, но и Китая, Индии, Турции, Ирана на единых инструментально-методологических и лингви-

стических платформах. Сберегая и воспроизводя наше богатое национальное научное наследие, нам одновременно придётся становится всё более восприимчивым к идущим извне исследовательским инновациям (и, при этом, резистентным к ним, способным их адекватно оценивать и, соответственно, «фильтровать»), адаптируя собственные подходы к условиям во многом уже иной (технологически, социокультурно, геополитически), пока лишь фрагментами осмысливаемой эпохи, которая формируется практически на наших глазах. Грядущие этнодемографические «подвижки», миграции, равно как и появление (активизация) в целом новых для России инновационно-культурных волн (китайской и исламской) — инициируют исследования в области географии идентичности, конфессиональной географии, пространственного анализа кросс-культурных коммуникаций, а также устойчивости-изменчивости территориальных систем культуры. Данная проблематика (как и в целом фактор культуры) полагаю, станет решающей и для обеспечения территориальной целостности Российского государства, и для успеха (действенности) его региональной политики. Соответствующим образом возрастёт запрос на внятные, обоснованные *геокультурные подходы*. В контексте возрастающей глобальной неопределённости, межблоковой и межстрановой конкуренции, а также роста авторитарности власти, попыток конвертировать усиливающиеся внутренние политико-экономические противоречия во внешнюю экспансию — усилится *геополитизация* общественной жизни, что придаст дополнительный импульс соответствующей ветви нашей науки. Логика геополитического противостояния потребует сочетания более углублённой территориально-хозяйственной автономии страны (но не её изоляционизма, не автаркии!) со способностью последней выстраивать собственные долгосрочные внешнеэкономические и внешнеполитические партнёрства, альянсы. Их перспектива будет во всё возрастающей мере предопределяться эффективностью хозяйствования, причём не только в узкокорпоративном либо отраслевом аспекте, но и применительно к региону, стране, трансграничным и межстрановым структурам. В этой связи неизбежна потребность в *неоэкономизации* нашей науки, возвращении в неё строгих расчётов, анализе эффектов (в том числе и экстерналий). Глобальные изменения требуют реальной (и весьма существенной) *технологизации* общественной географии на основе инкорпорирования в неё современных (непрерывно совершенствуемых, нарабатываемых) инструментальных приёмов: коммуникационных, аналитических, когнитивных (включая использование потенциала искусственного интеллекта, больших баз данных и т. п.). Науч-

ную значимость здесь обретает, безусловно, само освоение подобного рода технологий в интересах общественно-географического анализа, прогноза. Одновременно повышается и ценность корректной постановки исследовательских задач, а также интерпретации полученных результатов. В условиях, когда планетарные природно-климатические изменения и возрастающие медико-биологические угрозы (реальные и мнимые!) становятся фактическими детерминантами территориальной социально-экономической динамики, неизбежен и новый импульс *интеграционных процессов* в рамках всей системы географических наук. Его будет уравнивать дальнейшая *гуманизация* общественно-географического знания (трансфер подходов и идей философии, социологии, истории, политологии, экономики, культурологии). На этом фоне сверхкритической для сохранения нашей науки станет воспроизводство и развитие её «сердцевинных» подходов: акцент на *пространственных факторах, процессах, отношениях и структурах*, включая и развитие, возрождение (на новом теоретико-методологическом фундаменте, предполагающем внятный ответ на фундаментальный вопрос: «что есть *страна*»?) отечественного *страноведения*.

Заключение. Кризис, турбулентность, поливариантность перспективы — неизменные спутники (атрибуты) любого рода социального бытия, и, конечно же, предтеча, мотив позитива, развития. Применительно же к отечественной общественной географии (чьё современное состояние являет собой череду сопровождаемых перманентным кризисом её структурных, кадровых и методологических метаморфоз) развитие неизбежно означает самосохранение, предполагающее, в том числе, и самопознание (включая, как это постулировал ещё три с половиной десятилетия тому назад С.Б. Лавров, и формирование взгляда на нашу науку с «внецеховых позиций» [12, с. 29]), инициирующее широкую содержательную дискуссию о потенциале, перспективе, приоритетах российского профессионального общественно-географического сообщества.

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИГ РАН 0148-2019-0008 (“Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности”).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение. 1980. 269 с.
2. Сущий С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ, 1994, 576 с.

3. Богучарсков В.Т. История географии и современность. М.: Академический проект. 2006. 560 с.
4. Котляков В.М. Мировой кризис конца XX века и географическая наука. Санкт-Петербург. 1995. 49 с.
5. Колосов В.А., Мироненко Н.С., Петров Н.В., Трейвиш А.И. Российская общественная география первой половины 90-х годов // Известия РАН. Серия географическая. 1996. № 3. С. 17-27.
6. Трофимов А.М. Особенности формирования современных научных школ в российской географии (критическое осмысление кризиса в географии) // Научный потенциал отечественной географии. Труды Международной научной конференции. Майкоп. 1999. С. 89-90.
7. Шупер В.А. Географическая теория и социальная практика: размышления над статьёй Г.А. Агранта // Изв. РАН. Сер. Геогр. 2001. № 2. С. 65-72.
8. Дружинин А.Г. Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. 2008. № 5. С. 3-9
9. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: тренды, проблемные ситуации, приоритеты // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 127-140.
10. Мартынов В.Л. Российская социально-экономическая география: современное состояние, основные проблемы и перспективы развития // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 109-126.
11. Трейвиш А.И. Как нас теперь называть (о содержании и наименовании нашей науки) // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2012 (1). С. 5-19.
12. Лавров С.Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука. 1984. С. 28-41.

Alexander G. Druzhinin

*North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems into the Southern
Federal University, Rostov-on-Don;
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

**MODERN RUSSIAN SOCIAL GEOGRAPHY:
POTENTIAL AND DEVELOPMENT PRIORITIES
IN A CHANGING WORLD**

Annotation. *The current state of socio-economic geography in Russia is characterized (with an emphasis on scientific personnel, including their number, qualifications, institutional and territorial "binding", as well as specialization). Priority tasks for the development of Russian socio-economic geography are formulated taking into account planetary geopolitical, geo-economic, technological, socio-cultural and environmental changes.*

Key words: *socio-economic geography, Global problems, Russia, Eurasia.*
